

ОСЕТИНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ВОСПИТАНИЯ

З. Б. ЦАЛЛАГОВА

Осетинская традиционная культура воспитания – это сфера материальной и духовной культуры осетинского народа, которая непосредственно связана с воспитанием детей. Ее проявлением являются колыбельные песни, игрушки, детская одежда и игры, детский фольклор, правила кормления детей, средства и методы их поощрения и наказания, а также другие элементы этнокультурного наследия. Назначение осетинской традиционной культуры воспитания синонимично таким понятиям, как «народная мудрость воспитания», «педагогическая мудрость», «народная педагогика», и состоит в обеспечении преемственности связи поколений.

Основой для формирования системы этнических ценностей осетинского народа являлся исторический социальный опыт, народные традиции, являющиеся сводом нормативных систем и регулирующие поведение людей. Народные установки, рекомендации и понятия о воспитании были включены в широкий этнокультурный контекст, они формулировались и обобщались посредством фольклора. В осетинских сказках, загадках, поговорках, легендах, эпосе содержатся сюжеты и идеи воспитательного характера. В них в художественной форме запечатлены педагогические закономерности, факторы и средства воспитания, способствующие становлению гармонически развитой личности. Эти крупные этнопедагогические знания фольклорная традиция бережно хранила и обогащала, а народная мудрость свидетельствовала, что нет худшей беды для семьи, чем плохо воспитанные дети: «Ничто так не сокрушает сердце родителя, как горечь от плохого потомства», – гласит осетинская пословица.

Основой благополучной судьбы человека, его телесного и душевного здоровья осетины считали благополучное детство и мир в семье, где рос ребенок. Поэтому молодым людям, вступающим в брак, осетины советовали растить детей в любви и согласии, желали им быть многодетными родителями. Осетинский свадебный обряд сопровождался пожеланием большого и здорового потомства: «Чтобы невеста была плодovита (многодетна), как квочка!»; «Пусть будет, как медведица, домовита, как курица – плодovита»; «Как птица крылатая, как курица (много) цыплят имеющая пусть будет!»

Новобрачным желали быть родителями «семерых мальчиков и одной голубоглазой девочки»; за свадебным столом старейшины просили для новобрачной у Создателя: «Пусть доведется ей увидеть семь невест для своих семи сыновей, качать люльки своих внуков!» Апробированный веками воспитательный опыт показывал, что большой семейный коллектив являлся наиболее благоприятной средой, оптимально передающей детям социальный опыт, накопленный предками. Единственного ребенка, по народным наблюдениям, воспитывать сложнее, он менее защищен, а психика его больше подвержена стрессам. Трагедию одинокого человека, не имевшего родни, лишённого защиты большой семьи отразила широко известная в прошлом осетинская народная поэма «Об одиноком»; а не менее известная пословица гласит: «Двух братьев и медведь боится» (*Дыууæ æ фсымæрæй арс дар тæрсы*).

Начинать воспитывать ребенка необходимо, как свидетельствуют народные предписания, с самого раннего детства: «Дерево гнется, будучи молодым побегом» (*Бæлас*

талайæ тасы). Согласно этнопедагогическим воззрениям осетинского народа, воспитание ребенка начинается уже в утробе матери и во многом обусловлено ее внутренним, духовным миром, обстановкой, в которой она живет. В традиционном осетинском обществе будущая мать находилась под защитой народных табу и охранительных обрядов; народная традиция предписывала потакание ее гастрономическим пристрастиям, эмоциональному комфорту [1, 21-25; 2, 28-30; 3, 121-130].

Родители ребенка, особенно в присутствии старших и посторонних лиц, не обращались к своим детям по имени. Они называли их: *лæппу* (мальчик, юноша), *чызг* (девочка, девушка), *хистæр* (старший), *кæстæр* (младший) и другими условными именами. К маленьким детям обращались посредством уменьшительно-ласкательных имен, особых ласкательных существительных: *мæ къона* (мой очаг), *мæ хур* (мое солнце), *мæ (рахиз) цæст* (мой (правый) глаз) и т.д. Иногда ребенка, особенно первенца, в семье называли другим именем, так называемым *мады ном* (имя, которым называет мать). Часто официальное имя, зафиксированное в метрических документах, так и оставалось на бумаге, а человек с рождения до смерти был известен среди знакомых под «*мады ном*».

Весь комплекс сложной обрядности первого года жизни ребенка был направлен на приобщение новорожденного к семье, на выспрашивание для него покровительства и защиты у высших сил. Наряду с обрядами приобщения ребенка к надочажной цепи, укладывания в колыбель, имянаречения, первого кормления, первого шага, первого состригания волос в этот период осетины отмечали праздник первого года жизни ребенка *афæдзы куывд*, организовывая обрядовое застолье, известное под названием *афæдзы гуыл*, на который приглашались близкие родственники, соседи и друзья.

Забота о здоровье ребенка, о его закаливании и физическом развитии начиналось со дня его рождения. До 7-8 месяцев ребенка кормили только грудью, а затем постепенно приучали к пище взрослых. Иногда детей не

отнимали от груди до 3-4 лет. Особого режима в кормлении ребенка грудного возраста не было, его кормили тогда, когда он плакал. Постепенно в рацион детского питания вводили коровье молоко, давали каши из кукурузной, просяной и ячменной муки. Из пшеничной муки на молоке варили похлебку *хæлтæмæ дон*. При добавлении большого количества муки получалась густая масса *цымгæ*. Из овсяной муки готовились блюда: *бламыхъ, хомыс и къæлуа*. Из свежего сыра с добавлением сметаны или сыворотки ему варили *дзыкка*. Из кукурузной муки на сыворотке варили *сир*. Из хлебных изделий дети употребляли кукурузный чурек *кæрдзын*, пшеничный хлеб *дзул*, а также различные пироги [2, 46-49; 4, 169]. В 6-7 месяцев ребенка приучали сидеть, ближе к году начинали учить ходить. Закаливание грудных детей состояло в том, что до года их почти ежедневно купали, а после купания делали легкий массаж; старались не кутать. Известный исследователь и врач Е. А. Покровский писал, что осетинские женщины постепенно заменяли одежду детей более легкой, для того «чтобы дети реже простуживались и были нечувствительны к переменам температуры» [5, 122].

Традиционное хозяйство требовало больших усилий членов семьи, поэтому трудовая жизнь детей начиналась очень рано. Детям уже в возрасте от 2-3 до 7-8 лет прививались элементарные навыки труда, закладывались основы трудолюбия; происходило это преимущественно в процессе игр, подражания взрослым. За начальный этап воспитания ответственность несли женщины, и если в этот период жизни детей их мало дифференцировали по половому признаку, именуя их общим термином «дети» *сывæллæттæ*, то когда они становились старше функции по воспитанию подрастающих мальчиков переходили к мужчинам, причем всего коллектива родственников, а девочек продолжали воспитывать женщины на женской половине дома. По исполнению мальчику трех лет в его честь устраивался праздник *цæууæггаг*, суть которого сводилась к переходу детей под покровительство «мужских» патро-

нов. Хозяйственные навыки прививались и детям знатных аристократических родов, однако основной упор в воспитании делали на эстетическую сторону, обучая их аристократическим манерам, искусству танца, игре на гармонике, красноречию. Девушек часто обучали рукоделию у мастериц, славившихся умением шить золотом, серебром. Девушек-мусульманок нередко отдавали в Кабарду, где они, помимо перечисленных хозяйственных навыков и правил этикета, обучались чтению Корана.

Одной из непреложных норм семейного воспитания было привитие ребенку уважения к родителям. В соответствии с правилами внутрисемейного этикета нельзя было появляться перед родителями в белье или одетым небрежно. Это чувство стыдливости по отношению к родителям воспитывалось у ребенка с детства и сохранялось всю жизнь. «Сыновнее уважение требует, чтобы сын с той поры, когда перестал ходить нагишом, всячески избегал встретить мать не вполне одетым. И вот, поутру, находясь в некотором дезабилье, он тщательно высматривает, не находится ли мать поблизости. Показать ей в этом виде было бы грубым оскорблением чувства скромности» [6, 76]. Воспитание детей было гуманным. К телесным наказаниям как мере воспитания прибегали крайне редко. Достаточно сказать, что даже грубый окрик в случае непослушания воспринимался как оскорбление и для того, кто кричал, и для того, на кого кричали. Одним из значимых факторов воспитания была окружающая ребенка с колыбели красота и гармония окружающего мира: природы, традиционной обрядности, художественно-промысловых ремесел, выразительных музыкальных звуков, танцевальной пластики, художественного слова. Благоприятно воздействовала на формирование личности детей эстетика и красота жилища, вещей, одежды, украшений, а каждодневные поведенческие стереотипные навыки предопределялись требованиями культуры речи, движений, проявлений вежливости, такта.

Передача молодежи эмпирических знаний об окружающем мире, умение ориен-

тироваться в метеорологических условиях, знание народных примет, понимание поведения животных, народного календаря и использование его в хозяйственной жизни происходили в повседневном быту, на общинных, родовых и семейных праздниках, во время полевых и скотоводческих работ.

Борьба за выживание в суровых горных условиях вызывала необходимость не только укрепления здоровья, но и необходимость взаимовыручки, помощи. Судьбы людей, истории отдельных семей и фамилий подтверждали зависимость видимого здоровья, благополучия от уровня духовности и чистоты помыслов, этичности социально значимых поступков. В осетинской традиционной культуре воспитания сложился эталонный идеал, определяющий в качестве суммарной цели основное содержание воспитания ребенка. Это обобщенный образ, являющийся эталоном для подражания. Поскольку один человек не может вобрать в себя все идеальные черты, в обществе сложилось понятие о суммарном, совокупном совершенстве членов рода. Это сказалось на том, что осетины роднились с такими фамилиями, которые в общинном мнении считались честными, дружными, здоровыми, трудолюбивыми, целомудренными, скромными и добрыми. В фольклорных произведениях образ идеального горца наделяется лучшими эталонными качествами: это не только внешняя красота, физическое здоровье и выносливость, но и любовь к родине и родному народу, мудрость, храбрость, отвага. Эти идеалы и поведенческие стереотипы, с раннего детства воспитывавшиеся у детей, формировали у них доброту, ответственность, честность, трудолюбие, мужество, веру, терпимость, терпение, храбрость, скромность.

В раннем младенчестве важным фактором воспитания являются колыбельные песни, приобщающие ребенка к родной музыкальной культуре и художественному слову. Глубинный смысл колыбельных песен усугублен их обереговой функцией: слову, произнесенному над колыбелью, придавали значение заклинания. Как только ребенок появлялся на свет, новорожден-

ной девочке высказывались пожелания: «Будь, как мать, приветливой, скромной, работающей», а мальчику: «Будь, как отец, крепок, силен, трудолюбив», в первых же тостах-молениях в честь новорожденного его благословляли быть смелым, храбрым, счастливым, почитать родителей, старших и старых, односельчан, жить во здравии и чистоте до старости, иметь много детей.

Представления осетинского народа о совершенной личности развивались под влиянием исторических условий, а своеобразии условий жизни народа находило свое отражение в его национальном идеале, но в основных человеческих качествах он совпадает с таковым у других народов. Осетины оценивали и представителей других этносов с точки зрения собственных эталонов. Так, например, до сих пор у осетин выражение «как настоящий осетин», применяющееся для характеристики человека любой национальности, соответствует их представлению о хорошем человеке. Как чувство родового и национального достоинства проявлялась одна из решающих черт совершенной личности – любовь к Родине. Даже в самых трудных условиях народная традиция требовала от осетина сохранения доброго и честного имени своей семьи, рода, племени и народа, а воспитание национального достоинства составляло фундамент нравственного совершенствования личности. Высокое чувство национального достоинства предполагало и осуждение поведения, порочащего не только самого человека, но этнос, который он представляет, что способствовало воспитанию ответственности перед родным народом за свое доброе имя, а перед другими народами – за доброе имя своего народа: «Будь таким, чтоб по тебе судили о твоём народе, будь достойным сыном (дочерью) своего народа».

Таким образом, установка на то, чтобы своим поведением не давать повода дурно думать о своем народе, закладывалась в основу народной педагогической системы. Идеал совершенной личности предполагал и физическую красоту человека. Как правило, фольклор нам дает такие народ-

но-поэтические образы, в которых внешний облик гармонирует с внутренней духовной составляющей, душевной красотой. Примечательна характеристика сказочного героя – сына бедной вдовы: «Он отважен, как барс. Подобно солнечному лучу пряма его речь. Его стрела бьет без промаха». Идеалы воспитания осетин предписывали горцам быть не только трудолюбивыми, гостеприимными, хлебосольными, но всемерно совершенными: здоровыми, сильными, проявлять в нужный момент силу воли, презрение к смерти и воинскую доблесть. В мальчиках стремились развивать не только силу и ловкость, но и меткость. Начиная с 6-7 лет, мальчиков обучали стрельбе из лука. Отец или старший брат изготавливали ребенку лук и стрелы и показывали, как с ними обращаться. Стрельба из лука развивала у подростков глазомер, силу руки и кисти. Дети упражнялись в стрельбе из лука в кругу своих сверстников, играя в игру «Лук и стрела» (*фат æмæ æрдынаей хъазт*): как правило, на расстоянии 10-25 м ставилась мишень. Победителем считался тот, кто попадал в цель наибольшее количество раз.

Состязание мальчиков в стрельбе из лука устраивалось в праздник *Къутугæнаен*, справлявшийся за неделю до пасхи. Мишенью для них служила небольшая фигурная булочка из ячменной или пшеничной муки в виде конусообразной корзины для хранения зерна (*къуту*). Такие булочки пекли в этот день во всех семьях. Взяв из дома *къуту*, мальчики выходили на улицу, где и проходило соревнование. На определенном расстоянии они ставили эти мишени и по очереди стреляли по ним: надо было сбить их как можно больше и быстрее. Стрела (*фат*) и лук (*æрдын*) изготавливались детьми самостоятельно или с помощью взрослых. Стрелу изготавливали из плотных, легких видов высокого кустарника, приделывая к ней наконечник из железа или твердых пород обожженного дерева. Лук мог быть простым или сложным, напоминавшим по конструкции арбалет. Эта детская игра имела и ритуально-магическое значение: считалось, что чем больше

было сбито фигурок, тем больше осенью ожидалось заполненных зерном сапеток [2, 86, 87; 4, 176, 177]. Важным событием детского цикла у осетин был не известный соседним народам праздник *Кæхцæгæнæн*, отмечаемый летом семьями, в которых в течение года рождались мальчики-первенцы. Мать новорожденного задолго до праздника с большой деревянной чашей (*кæхи*) обходила своих родственников, которые одаривали ее всевозможными продуктами и подарками. Эта же чаша использовалась и для материнского моления накануне торжества: зайдя в кладовую, где находилось специально сваренное к празднику пиво, она, зачерпнув полную чашу, обращалась к Богу и покровителю мужчин Уастырджи. Мать просила хорошей судьбы сыну, чтобы он рос среди сверстников здоровым и благополучным, стал бы ее опорой и кормильцем. После этого она выливали пиво обратно, даже не пригубив, чтобы не навредить завтрашнему молению. Накануне праздника мальчики старше пяти лет, подростки, молодежь села или квартала в маскарадной одежде (как правило, вывернутых овчиной наружу полушубках или безрукавках) группами обходили дома, в которых готовился праздник. Главным атрибутом шествий был крестовидный шест с лоскутами материи, за шестоносцем все шли с шутками, пели песни в честь новорожденного и его родителей, в дом входили с благопожеланиями. В ответ на их приветствия хозяева дома одаривали их праздничным угощением, сдобной выпечкой, небольшими подарками. В день праздника родственники и родители матери новорожденного мальчика приезжали к внуку с подарками, среди которых были круторогий баран *фыр* или жеребенок *байраг*.

В системе формирования личности ребенка важное место занимал предметный мир, который окружал ребенка с первых дней его жизни и включал в себя наряду с детской колыбелью и средствами гигиены, также одежду, игрушки и т.д. Археологические материалы подтверждают, что детские игрушки на протяжении сотен лет сопутствует предкам осетин [7, 187-188; 8, 12].

У осетин были популярны игрушки, изготавливаемые из лоскутов ткани, войлока, шерсти, теста, дерева, кожи, глины. Самыми распространенными из них были тряпичные куклы (*хъазæн чындз* – игрушечная невеста, *чындз* – невеста, *гыкъына* – пупс), которые имелись в каждом доме, где были дети. В куклы играли девочки и маленькие мальчики, а изготавливали эти игрушки старшие члены семьи. Такие самодельные куклы представляли собой стилизованные человекообразные фигурки, сделанные из остатков войлока и шерсти, обшитые разноцветными лоскутками, отделанные декоративными средствами. Делали и тряпичные куклы, основой которых являлся деревянный каркас из двух палочек, крестообразно закрепленных и напоминающих человеческую фигуру. В большинстве тряпичные куклы изображали женщин, что подчеркивалось пропорциями кукольной фигуры. Лицо куклы делалось из плоского круглого камешка, пуговицы или старой монеты, обшитых белой разрисованной тканью. Одежда шилась из кусочков тканей, украшалась орнаментом. Талия перехватывалась игрушечным поясом и не снималась. В народе наиболее популярные производители каркасных кукол были широко известны. Их изделия, предназначенные для подарка детям, были настоящими произведениями прикладного искусства. [7, 187; 9]. Кукла являлась элементом в семейной обрядности, традиционном свадебном дарообмене. Во время свадебного сговора в перечне ответных даров семьи невесты в дом жениха среди традиционных подарков непременно была и детская тряпичная кукла, которая символизировала присущую женщине функцию деторождения. Девочки обращались с куклами бережно, стремились сохранить их до замужества. Выходя замуж, они брали любимые игрушки с собой в новый дом, чтобы потом передать их своим детям [10].

Период детских кукольных игр был совсем непродолжительным в жизни ребенка, так как дети вынуждены были оказывать взрослым посильную помощь в трудовой деятельности: «...счастливая пора

детства сокращена была здесь до минимума и лишена к тому же сколько-нибудь интересных игр и развлечений. Кроме куклы, девушки могли развлекаться женской игрой в пять камешков – *дыччита*... Мальчики располагают большим разнообразием игр и развлечений: сошки, чиж, лук, метанья камня пращом, бег, катание на коньках, борьба, купание, рыбная ловля, устройство капканов для ловли воробьев и т.п.» [11, 254, 255].

Зимой дети катались на санках – *зоньгъ* и коньках – *кбахзоньгътæ*, которые делали из толстых прутьев и дерева мягкой породы. На льду проходили игры детей с юлой – *цвил* и в альчики – *хъултæ*. Особенно популярной была игра в альчики (астргалы овечьих или козьих ног). Ценилось умение так подбросить альчики, чтобы они упали на извилистое ребро в положение *сах*. Любимыми были игра с мячом. Его шили из кожи или шерсти. Особенно уделялось внимание у осетин наездничеству. Осетинским мальчикам с детства прививалась любовь к коню. В 3-5 лет их впервые подсаживали на коня и учили держаться в седле, а с 7-10 лет начинали обучать верховой езде. Национальные традиции наездничества не могли не оказать влияния на феноменальные успехи знаменитых цирковых династий осетинских конников Кантемировых, Тугановых и др. [4, 176; 12, 324].

Наряду с перечисленными выше интересами дети занимались такими физическими состязательными играми, как спортивная борьба, стрельба из лука и огнестрельного оружия, метание камней, поднятие тяжестей, бег, перетягивание каната, лазание по шесту и т.д. Важным средством физического воспитания детей являлись танцы, которые включали наряду с хореографическими элементами физических, аэробических упражнений. Обучаться танцам дети начинали с раннего возраста, с 6-8 лет девочки собирались небольшими группами и подолгу упражнялись [13, 69]. Азам искусства танца их учили матери, старшие сестры и подруги. Девочки могли учиться правильным движениям на праздниках и свадьбах. Мальчики могли танцевать на

пастбищах, где они пасли ягнят и овец. «Хорошо танцует тот, кто был пастухом», – гласит осетинская пословица. На свадьбах и в торжественных случаях, подражая взрослым, дети устраивали представление. Соревновательность во время проведения народных игр, празднично-игровых мероприятий была не только своего рода общением, но и средством укрепления здоровья, подготовки к трудовой деятельности. Подобные состязания проводились на открытом воздухе в любое время года, способствовали укреплению и закаливанию организма детей [2, 78-83]. Средства физического воспитания осетинских юношей во многом способствовали развитию военно-прикладной подготовки. Осетинский традиционный поведенческий идеал предписывал не только крепость и здоровье тела, формируемые физическими упражнениями, танцами, различными соревнованиями, но и благопристойность поведения, крепость духа, формируемые соответствующими навыками. Так, нартский эпос свидетельствует о том, что истинные нарты не только отважны в бою, но и проявляют умеренность в еде и питье, уважительны к традициям [14, 190].

Согласно одному из нартских сказаний, «соседние народы только до тех пор завидовали нартам, слава о нартах только до тех пор разносилась по всему миру, пока воздержаны они были в еде и знали меру, не предавались обжорству и разгулу, как предаются сейчас, и от чрезмерного пьянства не теряли стыда, не теряли отвагу и разум». По другой версии, Урызмаг одно из сокровищ предков пообещал тому из нартов, «кто всех лучше сумеет совладать со своей утробой, кто с чином-честью пронесет до конца свою человеческую ношу, как бы она ни была тяжка». Испытание проводилось на праздничном пиршестве, длившемся целую неделю. Сидел там и Батрадз, но столы стояли так, что ни до одного из них герой не мог дотянуться. В течение долгих семи дней он ни одного куска не поднес ко рту, а все же и пел краше других, и плясал веселе всех. В ответ на вопрос, как это ему удастся, Батрадз поведал о случае из своей жизни.

Как-то на охоте во время привала нарты готовили мясо дичи, а молодежь по просьбе старших отправилась на поиски воды. По дороге им попался какой-то предмет вроде бурдюка. Взяв его с собой, они добрались до горного ручья и подставили под струю бурдюк, чтобы набрать в него воды. Но он никак не наполнялся, а только увеличивался в размерах. Так и принесли его в лагерь не наполненным до краев. Когда все утолили жажду, молодежь спросила старших: «Что это за странный предмет?» Старшие нарты, те, кто много прожил и был мудр, сказали после долгих раздумий: «Это может быть только человеческий желудок! Сколько бы много не съел, его не наполнишь, и никому на свете еще не удавалась его насытить. А ведь лишняя еда – лишняя хворь». С тех пор Батрадз никогда не ел досыта, а стал делить свой хлеб на четыре части, съедал из них три, но сила его не убавлялась и работал он как прежде. Потом стал утолять голод половиной хлеба так же, как и раньше, съедая целый хлеб.

Важное место в становлении и развитии личности уделялось морально-нравственному кодексу осетин – *æфсарм*, который сочетал в себе такие требования, как уважение к старшим, мужество, благородство, честность, справедливость, толерантность, честь и достоинство, рыцарское отношение к женщине, безупречную манеру поведения. Привитие перечисленных качеств личности ребенку насаждалось прежде всего в семье, и было закреплено соответствующими традициями, многочисленными межличностными предписаниями, запретами, наставлениями, народными афоризмами: «*Дæ намыс макуы фесаф*» (Никогда не теряй чести, доброго имени); «*Лæг намысай лæг у; йæ намыс куы фесафа, уæд йæ цард мæлæтæй фыддæр у*» (Человека делает человеком честь; если он потеряет честь, то его жизнь хуже смерти); «*Æгъдауыл мæлæт кад у*» (Смерть за нравственность (обычай) славна (почетна)); «*Æгъдауыл мард уыдысты фыдæлтæ*» (Наши предки ради обычая (морали) шли на смерть); «*Алкæмæн йæ гъдау йæ гакк у*» (Для каждого человека его нрав (норма поведения, обычай) служит

его отличительной чертой (его меткой). Осетины с малых лет обучали своих детей этикету взаимоотношений. На каждом этапе их развития и мужания, соответственно возрасту, детям объяснялись народные обычаи и традиции [15, 23-26]. Этикетные предписания народа формировали уважение к старшим, почтительное отношение к женщине, гостеприимство. Чувство уважения, почитания старших у детей начинали воспитывать с самых ранних лет. В. Пфаф отмечал: «Внушение младшему уважения к старшему и к своему отцу – единственная у осетин цель первоначального воспитания младенцев» [16, 136]. Изучение традиционной культуры осетин позволяет прийти к выводу, что она имеет стройную систему норм и правил, за которыми стоит нравственная идеология народа с ее важнейшими нравственными принципами, такими как вежливость, уважение, толерантность к окружающим, строгость к самому себе, почитание святынь, умеренность в еде и сне и т.д. [17, 114].

Одним из этнографических институтов, встречавшихся в быту осетин, было аталычество, известное почти всем народам Северного Кавказа в большей или меньшей степени. Сущность этого порядка заключалась в том, что ребенок вскоре, после рождения переходил на некоторое, более или менее продолжительное время, в другую семью, а затем возвращался к своим родителям. Описание аталычества у осетин встречается у многих авторов XIX – начала XX в. Из этих источников следует, что аталычество в исследуемый период было известно только феодальным кругам, практиковавшим отдачу детей на воспитание как внутри Осетии, так и за ее пределы – в Кабарду. При этом, при выборе аталыка обязательным было соблюдение социальной иерархической лестницы [18, 135-138].

Важное значение в умственном, нравственном и эстетическом воспитании придавалось и таким произведениям народного творчества, как загадки, пословицы, песни, сказки, легенды, фамильные предания, использованные как значимые средства ненасильственного, но эффективного воз-

действия на личность ребенка [3, 11-13].

Существовали и определенные формулы пожелания блага, произносимые матерями в особые моменты психофизической жизни ребенка: праздники, минуты пробуждения и засыпания, во время болезни, в момент ушиба, болезни – когда словесное воздействие на него особенно значимо и сродни внушению: «Пусть олень упадет на место, где ты упал!»; «Олень пусть вместо тебя споткнется, олень!»; «Не плачь, олень и то даже спотыкается!» Сила воздействия подобных формул была обусловлена мощью и глубиной древнего осетинского этнокультурного символа – оленя, олицетворявшего силу, непобедимость и быстроту [17, 100].

Пожелания добра были постоянными, каждодневными речевыми формулами жизни осетинской семьи. Укладывая ребенка, мать желала ему счастливых снов: *хæрзфынтæ фен!*, сопровождая эти слова другим благопожеланием: «*Мæ хуысджытæ æмæ мæ нæрсджытæ дæр дæ хай!*» (Пусть моя доля сновидений и здоровья (роста) тоже достанутся тебе!). Утром в ответ на его (ребенка) пожелание доброго утра ему отвечали: «*Хъæлдзаег райсомтæ дыл кæнæд!*» («Пусть счастливыми будут твои дни (утра)!» Благопожеланием чихнувшему ребенку были слова о счастливом детстве, здоровом росте, изобильной долгой счастливой жизни, о том, чтобы он не знал печалей сиротства. Ему в этот момент говорят также: «Да съешь мне (пусть перейдут на меня) твои болезни!».

Эти же пожелания были составной частью как каждодневной бытовой речи, так и произведений фольклора, органично

вплетались они и в застольные тосты-моления: «О Боже, Тебе молимся! Ты создал и людей, и ангелов, всех наделил благодатью! Да будет угодна Тебе наша молитва! В этом доме появился новорожденный; Боже, дай счастья ребенку, за которого мы сегодня молимся! Если есть счастливейший из рожденных, его товарищем сделай новорожденного (т.е. таким же счастливым, как он)! Пусть вырастет настоящим мужчиной, пусть будет примером для всей Осетии, пусть никогда не забудет мать и отца! Пусть он будет настолько силен, чтобы быть людям надеждой, чтобы стоять во главе, нести обществу счастье! Уастырджи, дай новорожденному его долю счастливых дорог в жизни. Пусть крепко станет на ноги!»

Как и вся народная культура, осетинская система воспитания подрастающего поколения обладает определенной динамикой, претерпевая изменения, связанные с развитием мировоззренческих установок и социально-экономических условий жизни народа. На современном этапе воспроизведение этнопедагогического опыта и возрождение на этой основе прогрессивных традиций воспитания в практике семейного и школьного воспитания приобретает особенную актуальность как фактор противодействия вестернизации отечественной культуры и историческому нигилизму. В таких условиях обращение к народной истории, народным героям, народным традициям в контексте системной этнопедагогизации школьного образования и семейного воспитания способствует возвращению в воспитательное пространство этнической ауры и глубинной духовности.

1. Бесаева Т. З. Обычаи и обряды осетин, связанные с рождением ребенка // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1976. Вып. XXXI.
2. Гостиева Л. К. Традиции воспитания детей в осетинской крестьянской семье (в конце XIX — начале XX вв.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983.
3. Цаллагова З. Б. Этнопедагогическая афористика народов Северного Кавказа. Владикавказ, 2011.
4. Канукова З. В. Предметный мир детства в традиционной культуре осетин // Кавказоведение в XXI веке: проблемы, идеи, решения. Владикавказ, 2011. С. 167-179.
5. Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно России. М., 1884.
6. Кокиев С. В. Записки о быте осетин // СМЭДЭМ. М., 1885. Вып. 1.
7. Уарзиаты В. С. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.
8. Туганов М. С. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977.
9. Полевой материал автора, 2007.
10. Цаллагова З. Б. Осетины // Народы России: праздники, обычаи, обряды. Энциклопедия. М., 2008. С. 54-56.
11. Хетагуров К. Особа. Этнографический очерк // Собр. соч.: в 3-х т. Орджоникидзе, 1974. Т. II. С. 226-282.
12. Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. 3-е изд. М., 2004.
13. Мисиков М. А. Материалы для антропологии осетин. Одесса, 1916.
14. Цаллагова З. Б. Этнопедагогический потенциал нартского эпоса // Культурное наследие народов Кавказа/Под ред. Ю. Д. Анчабадзе. М.-СПб., 2014. С. 180-194.
15. Калоев Б. А., Цаллагова З. Б. Осетины. Культурное наследие народов России. М., 2005.
16. Пфаф В. Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // ССК. Тифлис, 1871. Т. 1. С. 127-176.
17. Джигоева Г. Х., Цаллагова З. Б. Этнопедагогика осетинской семьи // Воспитательная работа в образовательных учреждениях: опыт и перспективы. Йошкар-Ола, 2011. С. 108-115.
18. Марзоев И. Т. Осетинская феодальная знать в системе взаимодействия этнических элит Северного Кавказа (XVIII — начало XX вв.): Дис.... канд. ист. наук. М., 2006.